

История повседневности

Мартянова И.Ю., Минц С.С.*

ДВОРЯНСКИЙ РЕБЁНОК XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Раскрывая исторические сочинения, мы привыкли видеть их героями сложившихся людей с чётко очерченной линией судьбы и законченной биографией. Если речь заходит о детях, то, как правило, историки повествуют о детских годах своих героев как о предыстории их исторических ролей и будущих свершений. Ребёнок в глазах историков редко выглядит самостоятельным героем. Чаще всего он выступает в качестве объекта воспитания или иного воздействия взрослых. Далеко не всегда, однако, история считалась, да и продолжает считаться с ограниченностью взгляда исторической науки на понятие возраста или на категорию детства.

История как всеохватный процесс, разворачивающийся во времени и пространстве, достаточно долго не знала критерия возраста. Он вошел в социокультурную практику в Новое время¹. Даже сегодня есть народы и культуры, обыденное сознание которых спокойно обходится без его использования. Возраст – понятие относительное, существующее только для определенных групп людей (да и то не всех эпох). Каждый человек по отношению к историческому процессу может выступать и как объект, и как субъект. Возраст в данном случае не всегда имел и имеет решающее значение. Попробуем пояснить свой тезис примерами из жизни дворянских детей XVIII – первой половины XIX в.

Данный сюжет трудно рассматривать, не обращаясь к категории детства. Однако она не всегда воспринимается как объект исторического исследования. В историографии детства мы найдем группы исследований по педагогике², психологии³, этнологии⁴, демографии⁵, социологии⁶, философии⁷ детства. Образ ребенка нередко рассматривается с литературоведческих позиций⁸. Историки же редко пишут о детстве, разве что, обращаясь к истории детских учреждений⁹ или в контексте исторических биографий¹⁰.

Интерес историков к повседневной жизни или к проблемам гендера заставляет их изучать и детство, но чаще всего эта категория не присутствует в их

* Мартянова Ирина Юрьевна – сотр. Научной библиотеки Кубанского государственного университета; Минц Светлана Самуиловна – д-р ист. наук, проф. каф. дореволюционной истории факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета.

работах как целостное историческое или хотя бы историко-культурное явление. Как правило, авторы рассматривают отдельные эпизоды из детства какого-либо времени или считают детство проблематикой второго плана¹¹. Историческая антропология заявляет о приоритетности своего интереса к проблемам детства, но монография Ю.А. Раскатовой, вышедшая в 2005 г.¹², так и осталась исключением в море исторической литературы, которое затрагивает тему детства, но не рассматривает детство как категорию исторической науки.

Пассивность историков в отношении изучения детства как целостного объекта не случайна. В первую очередь, она связана с состоянием источниковой базы, а вернее с устоявшимся представлением историков о том, что исследовать детство достаточно полно невозможно из-за отсутствия необходимого количества и разнообразия источников. Действительно, если брать сравнительно-исторический метод как устоявшийся принцип формирования источниковой базы, то описать мир детства в его историческом и культурном многообразии чрезвычайно сложно. Ребенок долго не обретает способности к самовыражению. Он редко способен обозначить свое присутствие в истории. Да и взрослые, даже восторгаясь и умиляясь детьми, не всегда всерьез уделяют им внимание. Мир детства, сосуществующий рядом с миром взрослых, переплетающийся с ним, с известной долей отклонений копирующий его достоинства и недостатки, обладающий также своими собственными специфическими характеристиками, в исторической науке пока отражен слабо. Думаем, не столько из-за количества и качества источников, которых действительно не так уж много, сколько из-за методов работы с теми источниками, которые есть в распоряжении исследователей.

Строго говоря, источниковая база исторического изучения детства не так уж скудна. Это достаточно развернутая законодательная, делопроизводственная и хозяйственная документация, актовый материал, статистические данные, разрядные и метрические книги, судебные-следственные материалы, периодика, изобразительные источники и художественная литература. В исследованиях последних лет всё больше внимания уделяется вешнему миру прошлого, а детская атрибутика – его существенная часть.

Отражение исторических реалий детства можно обнаружить в источниках личного происхождения (письмах, дневниках, воспоминаниях). Дети были объектом внимания художников различных времён и остались в их произведениях. Эти изображения могут дополнять сведения письменных источников, а могут выступать в качестве самостоятельного источникового комплекса. Дети сами выступали творцами источников: их рисунки, игрушки, сделанные своими руками, дневники, письма, школьные сочинения, литературные опыты содержат материалы, ценные для историков, и потенциально составляют источниковую базу исторических исследований¹³. Все перечисленные источники могут по частям входить в источниковые комплексы, составленные по сравнительному принципу, или могут выступать в качестве самостоятельных явлений культуры, т.е. быть комплексом источников, составленным по видовому принципу.

Данный сюжет, например, сделан на основе законодательных актов, вошедших в Полное Собрание Законов Российской империи, и мемуаристики. Выбранные источники свидетельствуют, что в XVIII – первой половине XIX в. дворянский ребёнок был не только объектом внимания взрослых или социальных институтов, но и активным субъектом своего времени. Такие сведения становятся достаточно убедительными, если брать законодательные акты и мемуарные произведения не как конгломерат отдельных свидетельств, а как виды источников. То есть для характеристики понятия «возраст» малолетних дворян мы используем феноменологический подход к источникам, который в современном источниковедении считается наиболее продуктивным. Именно он позволяет создать эмпирическое основание для применения системного метода в изучении исторической проблематики самого широкого профиля, в том числе и историко-культурного¹⁴. Законодательные акты и мемуары отбирались, систематизировались и анализировались как два источниковых вида, классифицированных по принципу отношения их авторов к детству.

В IV, V, XXII и XXVII томах Полного Собрания Законов Российской империи собраны наиболее важные законы и распоряжения, определившие содержание, обстоятельства и особенности дворянского детства на протяжении всего исследуемого периода. Их 62, причем основная масса приходится на петровское время. В статье обобщены также сведения о 135 детях, чьё детство описано на страницах 70-ти мемуарных произведений. 84 из них – мальчики. Детство 46-ти детей протекало в провинции и 47-ми в Москве или в Санкт-Петербурге. Остальные 40 детей провели детство, постоянно переезжая из города в сельскую местность и обратно. 22 мемуариста описали детство, проведённое в крайней бедности; 77 из 135 упомянутых в мемуарах детей (среди них и авторы мемуарных произведений) жили в семьях среднего достатка; 34 ребенка, ставшие героями мемуарных повествований, воспитывались в семьях, имевших солидное состояние.

Законодательные материалы и мемуары показывают, что в повседневной жизни дворянского сословия XVIII – первой половины XIX в. понятие «возраст» актуализировалось постольку, поскольку оно интересовало государство и законодательную систему.

Пётр I, создавая основы романовского абсолютизма, отводил дворянству роль опоры государства. Преемники Петра I продолжили его политику и в отношении государства, и в отношении дворянства, постоянно расширяя его привилегии и обязанности. Главной и первой обязанностью дворянина была активная государственная служба. Служба на «общее благо» стала смыслом жизни не только отдельных дворян, но и дворянского сословия в целом. Государство считало, что дворянин должен приступать к службе как можно раньше. XVIII и XIX вв. – время, когда отдельный индивидуум проживал чаще всего не очень долгую жизнь, да и процессы старения шли значительно быстрее. Видимо, относительная кратковременность продуктивного периода жизни человека была учтена, когда Пётр издавал указы о наборе лиц привилегированного сословия на государеву службу. В соответствующих томах ПСЗ много указов и распоряжений, появлявшихся к

ежегодным смотрам, во время которых дворянство получало направления на ту или иную службу. Согласно этим указам, на смотр дворянам следовало являться с десяти лет. Подобные указы издавались несколько раз в году, имея примерно одно и то же содержание. Одна из вариаций: «Всех фамилий и знатных Московских чинов и Дворянских и Комиссарских и Дьячьих детей и недорослей, которые для науки в школах, и которые в службу ни к каким делам не определены, от 10 лет и выше, выслать всех в Санктпетербург...»¹⁵. Один из критериев возраста в этих указах и распоряжениях – наличие грамотности. Предполагалось, что к моменту смотра ребёнок уже получал элементарное образование дома. Отсутствие образования было признаком «малолетства». Этот критерий определения малолетства действовал и во времена Екатерины Великой. Вот только в столичном Петербурге и в провинциальной Казани на классы воспитанников делили не по биологическому возрасту, а по сословному признаку.

Термины, которыми законодательство петровского времени обозначало детей («робятки», «малолетние недоросли», «недоросли», «кадеты», просто «дворянские дети»), не позволяют уточнить представления культуры того времени о детстве. Однако законодательство рассматривает детей, которые служат, и детей, которые «по малолетству» не служат, в качестве объектов налогообложения¹⁶. За уклонение малолетнего дворянина от участия в смотре или подделку возраста ребёнка полагалось наказание – изъятие поместных владений в пользу государства: «а никому у себя тех недорослей не таить, и больших малолетними не писать и лет не убавливать. А будут кто тех недорослей утаить, или подлинные лета кому кто не напишет: и у тех поместья и вотчины отписаны будут на Него Великого Государя»¹⁷. Время от времени конфискация земельных владений предполагалась в пользу доносителя¹⁸. Как видим, ребёнок по малолетству мог не быть собственником вотчины или владельцем поместья, но наказание за отказ малолетнего дворянина, признанного годным, от государственной службы распространялось на всю семью или его опекунов.

На смотре решалась дальнейшая судьба мальчика. Его могли вернуть родителям для дальнейшего обучения «за малолетством», если по своему сложению ребёнок был слаб и тщедушен. Такой недоросль считался в отпуске и должен был явиться на следующий смотр. То есть «малолетство» для петровского законодательства имело не столько возрастные, сколько чисто физические признаки.

Если мальчика признавали годным к службе, то он получал распределение в полк¹⁹. Смотр также мог закончиться для мальчика отправкой для дальнейшего обучения в одну из создававшихся тогда школ или в канцелярию. Следует отметить, что те, кто поступал на обучение в школу или канцелярию, считались приступившими к исполнению служебных обязанностей со всеми вытекающими последствиями – получением жалования и серьёзными наказаниями за уклонение от обязанностей. Те, кто проходил дальнейшее обучение в приказах у подьячих или в школах, не были застрахованы от призыва на военную службу – время от времени рекрутские наборы проводили и среди них. Дети,

проходившие обучение, были указаны в уже упомянутых законах в числе тех, кто должен был являться на смотры.

Призыв на смотры и отправка на службу на взгляд современного человека противоречиво сочетались с законами, определявшими совершеннолетие. Специального закона о совершеннолетию долго не было, но были пункты в законах, регламентирующих различные стороны жизни дворянства. Так, в указе о единонаследии 1714 г. (о запрете дробить недвижимое имущество между наследниками) устанавливаются следующие возрастные рамки совершеннолетия: для девиц – с 17 лет, для юношей – с 20 лет (право вступать в брак). С 20-ти лет наступала полная дееспособность, когда «кадеты обоих полов» могли вступать в брак и распоряжаться своим имуществом²⁰, а «до вышписанных лет не приспеют, никаким их письмам или записям не верить»²¹. В 1785 г. последовал указ Екатерины II, детализировавший понимание совершеннолетия, и он был един для лиц обоих полов: 1) с 14 лет несовершеннолетние имели право просить себе опекуна, 2) с 17 лет получали право пользования имуществом, 3) с 21 года – считались совершеннолетними. Недоросли первых двух периодов именовались указом «малолетними»²².

Таким образом, государственная власть создала двойственную ситуацию: малолетние дворяне действительно несли службу, несмотря на свою официально признанную недееспособность и недействительность их подписи в глазах закона. Тем не менее, во время службы им приходилось подписывать вполне серьезные официальные бумаги. Эта двойственная практика стала повседневной реальностью дворянского детства в России XVIII в. Она не замедлила отразиться в воспоминаниях многих дворян, писавших о своём детстве, например, С.И. Маевского (на службе с 10 лет)²³, Ф. Толстого (на службе с 9 лет)²⁴, В.А. Нащокина (на службе с 15 лет)²⁵, Н.С. Мордвинова (на военной службе с 12 лет, до этого с 10 лет на придворной службе)²⁶ и др. Законодательные инициативы александровской эпохи более тесно увязывали понятия службы и образования, но на массовые представления о детстве как особом периоде в жизни ребенка и о возрасте детей, имевших право вступать в службу, подобные меры стали достаточно заметно влиять лишь к 1860-м гг.

Несовершеннолетие и даже малолетство не являлись препятствием для служебной деятельности дворянских детей ни с точки зрения закона, ни с точки зрения обыденных представлений. Для России Нового времени служба дворянства – это социально значимый вид деятельности. Более того, служба стала системообразующим компонентом дворянского менталитета. А.В. Шипилов проследил эволюцию понятия дворянской чести с XVI по XIX вв. Он отметил, что представления о дворянской чести в XVI и XVII вв. не были связаны напрямую с личностью дворянина. Объектом гордости и защиты была лишь государева честь. Только с XVIII в. дворянская честь стала считаться качеством личности, но в течение всего века она выводилась непосредственно из отношения человека к государственной службе, «а все, кто на службе не находился, чинов не имели. Тем самым последние утратили даже ту весьма специфическую “честь”, которой обладали в XVII веке: все дворяне служили, соответ-

венно, все табельные чиновники были дворянами, так что тот, кто не являлся дворянином/чиновником, не имел и чиновной/дворянской чести»²⁷.

В Новое время мальчик из дворянской семьи интегрировался в привилегированное сословие не столько фактом рождения, сколько поступлением на службу. Именно там он усваивал характерные для дворянства тип мировоззрения, нормы поведения и систему ценностей. С момента поступления на службу ребёнок становился лицом историческим. Он обретал свой социальный облик, так как «практически для общества существуют не все поступки индивида, а лишь те, которым в данной системе культуры приписывается некоторое общественное значение»²⁸. Средневековый менталитет почитал личными те качества, которые даровались индивидууму принадлежностью к сословию. В условиях российской культуры Нового времени сословная принадлежность тесно сплеталась с понятием службы государству, ставилась в зависимость от последней. Ю.М. Лотман подчеркивал, что поступая на службу, дворянин становился «типичным» представителем эпохи как в глазах современников, так и в глазах наблюдателя (например, исследователя)²⁹. То же самое можно сказать и о малолетнем дворянине с существенной оговоркой — с момента поступления на службу его малолетство переставало интересоваться и современников, и последующих наблюдателей.

И.Ю. Николаева считает, что историки должны активнее использовать в своих исследованиях опыт современной психологической науки, в частности, деятельностный подход, долго помогавший психологам продуктивно изучать формы сознания личности³⁰. С точки зрения деятельностного подхода, малолетний дворянин — это полноправный субъект истории, которого совершенно невозможно сбрасывать со счетов и игнорировать при изучении истории XVIII в. (если понимать историю как многообразие проявлений всех сфер жизни человека во времени и пространстве). Тем более что речь идёт не о единичных случаях, а о широко распространённой повседневной практике. Малолетние дворяне, поступив на службу, наряду со взрослыми прямо или косвенно участвовали в событиях своего времени и в известной степени определяли их развитие.

Усложнение всех видов деятельности и сфер жизни человека в ходе исторического развития привели к тому, что малолетние дети постепенно стали вытесняться на позиции пассивных участников истории. В Российской империи начало этому процессу, как и многим другим, было положено государственной властью. В 1803 г. был издан указ, гласивший, что «ни в какой Губернии, спустя пять лет по устроении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил, училищной части, никто не будет определён к гражданской должности, требующей Юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»³¹. Авторы указа, таким образом, рассчитывали положить конец существующей практике приёма на службу малолетних дворян, как правило, слабо обученных в домашних условиях. Учебное заведение в то время заканчивали в возрасте 16–17-ти лет. Заметим, что даже в этом случае возраст продолжает присутствовать в законодательстве как относительное понятие — он определяется через завершенность образования.

Издать указ проще, чем изменить реальное течение жизни, устойчивые житейские представления людей и устоявшиеся повседневные практики. Прямым следствием указа стала практика подделки документов. Свидетельство об окончании учебного заведения также можно было получить, сдав экзамены на чин после домашнего обучения. Малолетние дворяне продолжали приниматься на службу при содействии родственников и покровителей – в дворянской среде всегда были сильны неформальные связи и личные контакты, игравшие значительную роль в решении многих карьерных вопросов государственной службы.

Само законодательство оставляло немало лазеек для тех, кого в малолетстве определяли на службу. Например, в «Высочайше утверждённом докладе Министра Финансов» предписывалось сиротам «лесных чиновников» выплачивать пенсию «детям мужеска пола до 12, девкам до 20 лет»³². То есть предполагалось, что мальчик после 12 лет может сам заработать себе на жизнь службою или быть отданным в училище, а «девок» на службу не принимали, поэтому пенсию платили до возраста замужества. Позже, в другом аналогичном докладе о тех же «лесных чиновниках» сказано, что следует определять в службу грамотных без предварительных экзаменов «в рассуждении их расторопности, поведения и нравственности, основываясь при том не на одних их аттестатах, но и на частном разведывании о прежней их службе»³³. Таким образом, при принятии на службу в первую очередь учитывался не возраст, не уровень образования и профессионализм, а «расторопность», «нравственность» и рекомендации. Этими качествами вполне мог располагать и малолетний дворянин, имевший нужных покровителей.

Потребовалось ещё 50 лет для того, чтобы родители или опекуны перестали отправлять дворянских детей на службу в годы их малолетства без элементарного и/или профессионального образования. Существовавшие жизненные практики отображены мемуаристами. Примерами более поздних по времени сообщений о малолетних дворянах, реально несущих службу, могут выступить воспоминания И.И. Ясинского. В начале 1860-х гг. он, ученик третьего класса гимназии, жил на съёмной квартире в уездном городе, где кроме него «у вдовы Галаган стояли... в двух других комнатах шестнадцатилетние чиновники уездного земского суда... Они были из окрестных дворянских гнёзд, мелкопоместные недоросли, не окончившие гимназии, кажется, просто исключённые, получали они трёхрублёвые жалованья и служили «из чести», в ожидании первого чина»³⁴.

В XVIII – первой половине XIX в. малолетний дворянин, определяясь на службу и реально неся её, становится полноправным участником истории Российской империи наравне со взрослыми. Он – активный субъект исторического процесса, тот самый «маленький человек», «рядовой» и «незаметный», но от этого не менее реальный и существенный персонаж эпохи. В истории одна и та же возрастная группа в разные периоды и в различных обществах может играть более или менее заметную роль, но как бы ни была малозаметна такая роль, группа не должна выпадать при этом ни из самого исторического про-

цесса, ни из поля зрения исследователей. Задача историка – определить эту роль и охарактеризовать ее во всей ее историко-культурной полноте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арбес Ф. Возрасты жизни // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 216–244; Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // *Социологические исследования*. 1978. № 3. С. 76–86; Субботский Е.В. Золотой век детства. М., 1981.

² Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958; Бим-Бад Б.М. Щит и оборона детства. М., 1995; Каптерев П.Ф. Исторический очерк учений о детских интересах, его теория и практика // Каптерев П.Ф. Избр. педагогические соч. М., 1982. С. 497–516.

³ Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999; Субботский Е.В. Детство в условиях разных культур // *Вопросы психологии*. 1979. № 6. С. 142–150.

⁴ Топорков А.Л. Перепекание детей в ритуалах и сказках восточных славян // *Фольклор и этнографическая действительность*. СПб., 1992. С. 95–101; Шангина И.И. Русские дети и их игры. СПб., 2000; *Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии* / Под ред. И.С. Кона. М., 1983.

⁵ Снигирёв В.С. О смертности детей на первом году жизни: Опыт медико-статистического исследования в Ставропольской губернии с 1857 по 1862 год. СПб., 1863; Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // *Социс*. 2003. № 6. С. 47–55.

⁶ Дементьева И.Ф. Детство в преобразующемся обществе // *Социс*. 1998. № 5. С. 125–127; Щеглова С.Н. Социология детства. М., 1996.

⁷ Кислов А.Г. Оправдание детства: от нравов к праву. Екатеринбург, 2002.; Кларин В.М., Петров В.М. Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов XIX–XX вв. М., 1996; Линник Ю.В. Космос детства. Петрозаводск, 1994.

⁸ Павлова Н. Образ детства, образ времени: О современной автобиографической прозе. М., 1990; Эпштейн М., Юкина Е. Образ детства // *Новый мир*. 1979. № 12. С. 242–257; Королёва К.П. Семейное воспитание и школа в России в мемуарах и художественной литературе середины XIX – начала XX в. М., 1994.

⁹ Лядов В.Н. Исторический очерк столетней жизни Императорского Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища. СПб., 1864; Гурковский Ю. Кадетские корпуса в России // *Народное образование*. 2002. № 7. С. 171–183; Кандаурова Т.Н. Гимназии // *Очерки русской культуры XIX века*. М., 2001. Т. 3. С. 68–123.

¹⁰ Александров А. Подлинная жизнь мадемуазель Башкирцевой. М., 2003; Каменский А.Б. Иван VI Антонович // *Вопросы истории*. 1994. № 11. С. 50–62; Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Вильгельмского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.

¹¹ Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2007; Она же. Гувернантки в художественной литературе // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2008. № 15. С. 211–242; Семёнова Л.Э. Гендерные архетипы детской литературы // *Человек*. 2006. № 1. С. 89–99.

¹² Раскатова Ю.А. Орлята Чёрной Горы. Черногорские дети: система воспитания, образования и правовые отношения (XIX в.). М., 2006.

¹³ Воронов В. Февральская революция в детских записях // *Вестник просвещения*. 1927. № 3. С. 3–11; Мартианова И.Ю. Юг России периода Гражданской войны в детских воспоминаниях (по материалам сборника детских сочинений 20-х гг. XX в. // *Аргумент. Черноморский исторический журнал*. 2007. № 1. С. 73–80; Она же. Революционные события на

Кубани в 1917 г. по воспоминаниям детей-эмигрантов // Фёдор Аншдреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность: Сб. мат-лов IX междунар. научно-практич. конф. (г. Краснодар, 27 февраля 2009 г.). Краснодар, 2009. С. 329–336; Познянский Н. Современная жизнь в детских сочинениях // Современный ребёнок / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1923. С. 53–128.

¹⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

¹⁵ ПСЗ. 1-е собрание. Т. IV. № 2497. 5 марта 1712 г. Именной указ объявленный из Сената. О сроках явки недорослям в Сенат.

¹⁶ Там же. Т. IV. № 2104. 6 мая 1706 г. Именной. Пояснение указа 1706 года Марта 2 дня о наборе рекрут.

¹⁷ Там же. Т. IV. № 1960. 22 января 1704 г. Именной, объявленный из Розряду. О подаче в Розряд сказок о недорослях, о представлении их на смотр и об отписании поместий и вотчин в казну, за утайку недорослей и за убавку им лет.

¹⁸ Там же. Т. IV. № 2337. 13 марта 1711 г. Сенатский. О донесении в Канцелярию Правительствующего Сената об укрывающихся от службы недорослях и об отдаче их деревень доносчикам.

¹⁹ Там же. Т. IV. № 1978. 8 апреля 1704 г. О высылке недорослей на смотр, о распределении явившихся в драгунские полки, о даче им амуниции и о штрафе с неявившихся.

²⁰ Там же. Т. V. № 2789. 23 марта 1714 г. Именной. – О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах.

²¹ Там же.

²² Там же. Т. XXII. № 16300. 22 декабря 1785 г. Именной указ, данный Сенату. О дозволении малолетним, коим минуло 14 лет, просить Попечителей, по прошествии же от роду 17 лет вступить самим в управление имения, но прежде 21 года не продавать и не закладывать оное без согласия Попечителей.

²³ Маевский С.И. Мой век или история генерала Маевского. 1779–1848 // Русская старина. 1873. Кн. 8. С. 125–167; Кн. 9. С. 253–305; Кн. 10. С. 427–464; Кн. 11. С. 754–781.

²⁴ Грачёва И. «Мастеровой» с графским титулом // Нева. 2004. № 3. С. 273–279.

²⁵ Нащокин В.А. Записки Василия Александровича Нащокина // Империя после Петра. 1725–1765. Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С. 225–384.

²⁶ Мордвинова Н.Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки его дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков. М., 1990. С. 389–448.

²⁷ Шипилов А.В. Была ли честь? // Человек. 2007. № 6. С. 94–104.

²⁸ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Избр. статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 297.

²⁹ Там же.

³⁰ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. С. 34.

³¹ ПСЗ. Т. XXVII. № 20597. 26 января 1803 г. Именной указ, данный Сенату об устройстве училищ.

³² ПСЗ. Т. XXVII. № 20669. 17 марта 1803 г. Высочайше утверждённый доклад Министра Финансов. – О производстве вдовам и сиротам умерших лесных чиновников вдовьего и сиротского жалования.

³³ ПСЗ. Т. XXVII. № 20712. 14 апреля 1803 г. Высочайше утверждённый доклад Министра Финансов. – О определении лесных чиновников к местам без экзамена.

³⁴ Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 46.